

УДК 327.8

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович — доктор социологических наук, доцент; директор центра социально-политических исследований «Альтернатива» Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова; доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; batorovitch@mail.ru)

БАДМАЦЫРЕНОВА Елизавета Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории права и государства Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; el.leonidovna@mail.ru)

ТАРТЫГАШЕВА Галина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6; tarty@yandex.ru)

«МЯГКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В МОНГОЛИИ

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению роли «мягкой силы» в российской внешней политике. Увеличение числа дестабилизирующих факторов, пандемия коронавируса COVID-19, обострение глобального противостояния между группами государств и отдельными странами может привести к крайней нестабильности мировой политической системы. В связи с этим возрастает потребность в изучении нетрадиционных аспектов международных отношений, среди которых одним из наиболее перспективных выступает «мягкая сила».

Ключевые слова: Россия, «мягкая сила», внешняя политика, мировая политическая система

В условиях динамичного протекания современного международного политического процесса возрастает необходимость адекватного описания его актуального и будущего состояния. Увеличение числа дестабилизирующих факторов, пандемия коронавируса COVID-19, обострение глобального противостояния между группами государств и отдельными странами может привести к крайней нестабильности мировой политической системы.

В условиях обострения традиционных угроз и международного политического противостояния все большую актуальность приобретает проблематика «мягкой силы» как несиловых методов политического влияния и внешнеполитического воздействия. В современной политической науке и практике нетрадиционным способам воздействия на государства, население и общественное мнение иных стран через СМИ, негосударственный сектор и массовую культуру придается большое значение. В их основе лежат идеи о политических и культурных ценностях, транслируемых на другие страны с целью увеличения влияния на их население. Во внешней политике современной России «мягкой силой» также отводится важное место. Созданы такие структуры, как Россотрудничество, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и фонд «Русский мир», инициируются контакты между образовательными, научными и культурными организациями, как государственными, так и негосударственными.

Имидж России на международной арене весьма противоречив, и, несмотря на проводимую политику по его улучшению, он все еще далек от желаемого позитивного образа. Поэтому изучение политических представлений населения других стран о России имеет существенный прикладной потенциал.

Внутренняя Азия – регион, включающий в себя Монголию и Автономный район Внутренняя Монголия КНР, – является пространством устойчивых внешнеполитических интересов России, хотя при этом нельзя не отметить противоречий в их формулировании и отстаивании в постсоветский период. Можно констатировать возрастающее соперничество между глобальными и национальными акторами, прежде всего российскими, китайскими и, условно говоря, «западными», в котором все большее значение приобретают политические и экономические факторы. Особую роль в этом регионе играет КНР, которая активно реализует стратегии использования мягкой силы [Актамов, Бадмацыренов 2019: 231].

Среди прочих проявлений «мягкой силы» наиболее часто выделяют возможности гражданского общества, образование и науку, идеологию, информационно-коммуникационные методы и технологии, пропаганду языка, атрибутов высокой и массовой культуры, образа жизни.

В современном мире все более возрастает значение образования и науки. Эти сферы являются локомотивами социально-экономического развития ведущих стран и обеспечивают лидерство через разработку передовых научно-технических идей и технологий. Образование – один из центральных элементов «мягкой силы», поскольку оно позволяет формировать сообщества и сети влияния на население, устойчивый положительный образ страны. Экспорт образования имеет экономический эффект в виде прямых финансовых вложений учащихся, иностранных государств и негосударственных организаций. Повышение конкурентоспособности и престижности национальной системы образования позволит привлекать ведущих исследователей и талантливую учащуюся молодежь, что будет способствовать ускорению научно-технологического развития России. Для российской системы образования это направление становится приоритетным в условиях демографических ограничений, поскольку тем самым появляется возможность роста числа учащихся.

Современная международная ситуация делает практически невозможным применение к Китаю и Монголии методов военного и экономического принуждения/давления. Более продуктивными являются методы «мягкого» воздействия, активно используемые ведущими державами, в т.ч. через экспорт образования. Поэтому Россия, желая отстаивать свои стратегические интересы, также вынуждена включаться в этот процесс.

Внутренняя Азия в этом отношении является важнейшим стратегическим направлением, которое требует особого внимания в условиях нарастающих противоречий международных отношений, развития партнерства с КНР и «многопорной» политики Монголии. Таким образом, результаты исследования могут способствовать обеспечению конкурентных преимуществ экспорта российского образования во Внутреннюю Азию.

Джозеф Най-мл. определил мягкую силу как «способность получать желаемое при помощи привлекательности, а не силы или денег» [Нье 1990]. В качестве источников «мягкой силы» им были выделены культура, политические ценности, внешняя политика [Най 2014: 56, 152-153]. При этом вокруг предложенной им концепции уже 30 лет не утихают дискуссии, в которых принимают участие как убежденные ее сторонники, так и последовательные критики [Паршин 2014: 16].

С.К. Песцов и А.М. Бобыло выделили три ключевых компонента «мягкой силы»: ресурсы, привлекательность и желаемое поведение, объединяе-

мые между собой производством привлекательности и желаемого поведения [Песцов, Бобыло 2015: 111]. А.П. Ворочков на примере исследования публичной дипломатии как проявления «мягкой силы» делает упор на технологии, ресурсы, институциональных участников и эффект, при помощи которых возможен анализ данного феномена [Ворочков 2016: 55].

Одной из ключевых проблем исследования мягкой силы выступает измеримость ее уровня и эффективности. В настоящее время существует несколько рейтингов, в числе которых рейтинги *RAND Corporation* (2005), *Ernest and Young* и Московской школы управления «Сколково» (2012), а также Индекс национальных брендов, который был разработан С. Анхолтом (2005), Индекс страновых брендов, составляемый *FutureBrand* [Паршин 2013: 26].

В одном из наиболее известных рейтингов стран по индексу мягкой силы, разрабатываемом Центром публичной политики университета Южной Калифорнии и агентством «Портланд», Россия в течение нескольких лет занимает 25–30-е места¹. В 2019 г. она заняла самую низкую позицию с 2015 г., несмотря на то что в 2018 г. был успешно проведен Чемпионат мира по футболу. Составителями и экспертами рейтинга Россия обвиняется в проведении информационной кампании, направленной против Запада, вмешательстве в электоральные процессы, угрозе востоку Украины, оппортунизме на Ближнем Востоке, что не дало использовать огромные возможности ЧМ 2018 г. для перезагрузки российской внешней политики в полной мере.

Внимание к самой идее и применению инструментов «мягкой силы» в российской политике развивалось в несколько этапов. Особо это проявляется в эволюции Концепции внешней политики Российской Федерации как ключевого документа, содержащего систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации². В Концепции 2016 г. содержится пункт о том, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»³.

Министерство иностранных дел России и Россотрудничество в качестве инструментов внешней политики «предложили по-новому взглянуть на такую весьма обширную тему, как оказание помощи другим государствам на двусторонней основе, или, как это принято называть, содействие международному развитию» [Косачев 2014: 8]. К.И. Косачев, бывший руководитель Россотрудничества, считает ключевым компонентом «мягкой силы» имидж государства, хотя последний с трудом поддается управлению, поскольку зачастую обладает высокой, в т.ч. негативной, динамикой, и, кроме того, носителем ее выступает не государство, а народ и страна с ее историей и культурой [Косачев 2014: 7].

Имидж государства играет важную роль во многих сферах, связанных с международными отношениями. Политический образ представляет собой сложное и многогранное отражение политической реальности в общественном и индивидуальном сознании. Он формируется на двух уровнях — рациональном и эмоциональном — на основе смешения осознаваемых представлений,

¹ <https://softpower30.com/country/russian-federation/> (проверено 28.02.2021).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 12.02.2013.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 30.10.2016.

мнений и оценок и неосознанных эмоций, чувств, реакций людей [Комбаев, Шиляева, Табинаева 2015: 136].

Формирование позитивного образа на международной арене является одной из приоритетных задач для России. Россия предпринимает попытки построения долгосрочной коммуникационной стратегии по управлению своим имиджем. В этой ситуации использование зарубежных СМИ является одной из основных задач.

В.А. Родионов отмечает, что у России есть существенное преимущество перед другими государствами, имеющими свои интересы в Монголии, поскольку, согласно данным социологических опросов, ежегодно проводимых известным фондом Монголии «Сант Марал», Россия воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные [Родионов 2020: 285].

Среди инструментов «мягкой силы» образование занимает особое место во внешнеполитической практике современных государств. В настоящее время продвижению российского образования в мире уделяется пристальное внимание. Так, 27 марта 2014 г. была утверждена Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом¹. Она нацелена на формирование системы эффективных мер по продвижению российского высшего образования за рубежом, а также на создание механизмов информационно-координационного сопровождения деятельности вузов по развитию международных связей. Также реализуется приоритетный проект «Экспорт образования», ключевая цель которого состоит в повышении привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг и увеличения несырьевого экспорта Российской Федерации².

Российско-монгольские отношения в течение длительного периода характеризовались тесными экономическими, военно-политическими, культурными и иными связями. Так, в период с 1922 по 1991 г. в вузах СССР получили образование более 55 тыс. монгольских граждан [Россия и Монголия... 2011: 287]. После существенного отхода от этой модели в 1990-е гг. в последнее время монгольское направление становится все более актуальным для российской внешней политики. Вместе с тем привлекательность российского образования существенно снизилась, и «возвращение» России в Монголию сталкивается с конкуренцией со стороны иных образовательных систем. В настоящее время в Монголии осуществляют свою деятельность Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова и ряд общеобразовательных учреждений с преподаванием на русском языке.

Нельзя не отметить активную деятельность, которую осуществляет Российский центр науки и культуры в Улан-Баторе как часть представительства в Монголии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Одним из основных ее направлений выступает развитие российско-монгольских двусторонних связей в гуманитарной сфере, сохранение и расширение русскоязычного пространства, содействие в установлении контактов российских и монгольских партнеров в области науки и спорта, поддержка соотечественников³.

¹ Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом. Утв. 17 марта 2014 г.

² О приоритетном проекте «Экспорт образования». Доступ: <http://government.ru/info/27864/> (проверено 28.02.2021).

³ Российский Центр науки и культуры в Улан-Баторе. Доступ: <https://mng.rs.gov.ru/ru/about> (проверено 28.02.2021).

РЦНК также осуществляет информирование, профориентацию и отбор граждан Монголии в высшие учебные заведения России. В настоящее время квота сохраняется на уровне 500 чел.

В.А. Родионов отмечает, что высокий престиж российского высшего образования в Монголии обусловлен рядом факторов, среди которых можно отметить сохранение инфраструктуры, основанной на советских/российских стандартах, существующие академические и образовательные связи [Родионов 2020: 288]. Кроме того, российское образование с точки зрения соотношения «стоимость обучения / качество образования» в наибольшей степени соответствует уровню доходов средней монгольской семьи [Фалилеева и др. 2013: 12].

Автономный район КНР Внутренняя Монголия в сравнении с Монголией, напротив, может быть охарактеризован по многим составляющим как обратный кейс российской политики. Бурное развитие внешнеполитического стратегического партнерства России и КНР охватило и АВРМ. Но если экономические и, в перспективе, инфраструктурные проекты характеризуются высокими темпами, то образовательная внешняя политика России в этом субрегионе все еще недостаточно эффективна.

Таким образом, очевидна необходимость поиска наиболее эффективной стратегии России по выстраиванию политики экспорта образования во Внутренней Азии. В свою очередь, стратегия должна включать в себя определенный набор методов и средств ее реализации. Проблема, решению которой посвящен настоящий проект, состоит в том, что российская сторона на данный момент не реализует в должной мере потенциал своего научно-образовательного влияния во Внутренней Азии, чтобы аккумулировать его в важные экономические проекты и политические решения. В связи с этим фундаментальная задача заключается в поиске путей оптимального сочетания традиционных и сравнительно новых внешнеполитических инструментов. Проведение совместного с монгольской стороной сравнительного исследования поможет лучше выявить сильные и слабые стороны использования российской стороной «мягкой силы» образовательного влияния.

Исследование может способствовать повышению эффективности экспорта российского образования во Внутреннюю Азию, что может стать важным фактором развития не только российской науки и образования, но и регионов Сибири и Дальнего Востока через укрепление российских позиций на рынках КНР и Монголии и способствовать укреплению международных связей и научно-образовательного сотрудничества.

В качестве одной из наиболее перспективных форм кооперации следует выделить создание совместных образовательных учреждений. Эксперты подчеркивают, что одной из характерных черт интернационализации и глобализации высшего образования стала практика открытия в развивающихся странах филиалов университетов из развитых стран, которые привлекают студентов в основном за счет использования собственного бренда. При этом инициаторами открытия филиала не всегда выступают головные вузы. Достаточно часто ими становятся правительство или крупные организации принимающей стороны, готовые взять на себя финансовые расходы. Тем самым от головных университетов главным образом требуются образовательные программы и научные разработки. Помимо этого, принимающая сторона также заинтересована в привлечении профессорско-преподавательского состава зарубежного вуза [Медяник 2017: 11-12].

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-514-44001 Монг_т «Мягкая сила в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ».

Список литературы

- Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б. 2019. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния. — *Власть*. Т. 27. № 3. С. 231-236.
- Ворочков А.П. 2016. Институты реализации «мягкой силы» в современной России — *Вестник Марийского государственного университета*. Сер. Исторические науки. Юридические науки. № 2(6). С. 53-59.
- Комбаев А.В., Шиляева А.Н., Табинаева Е.Д. 2015. Образы России в массовом сознании граждан Китайской Народной Республики. — *Вестник Бурятского государственного университета*. № 6-1. С. 135-140.
- Косачев К.И. 2014. «Мягкая сила» России: теория и реальность. — *Вестник международных организаций*. Т. 9. № 2. С. 7-9.
- Медяник Е.И. 2017. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая. — *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 12. № 1. С. 7-23.
- Най Дж.-мл. 2014. *Будущее власти*. М.: АСТ. 448 с.
- Паршин П.Б. 2013. *Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: аналитические доклады*. М.: Изд-во МГИМО(У). Вып. 1(36). 37 с.
- Паршин П.Б. 2014. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. — *Вестник МГИМО*. № 2(35). С. 14-21.
- Песцов С.К., Бобыло А.М. 2015. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта. — *Вестник Томского государственного университета. История*. № 2(34). С. 108-114.
- Родионов В. А. 2020. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования. — *Власть*. Т. 28. № 2. С. 283-291.
- Россия и Монголия на пути стратегического партнерства*. 2011. М.: ИВ РАН, Институт международных исследований АН Монголии. 440 с.
- Фалилеева Н.В., Филин С.А., Дугаржав Л., Ерофеева И.А. 2013. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования. — *Приоритеты России*. № 12(201). С. 10-22.
- Nye J.S., Jr. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y.: Basic Books. 336 p.

BADMATSYRENOV Timur Batorovitch, Dr.Sci. (Soc.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Head of the Center for Social and Political Studies «Alternative», Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; batorovitch@mail.ru)

BADMATSYRENOVA Elizaveta Leonidovna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Theory and History of Law and State, Banzarov Buryat State University (24a Smolina St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670000; el.leonidovna@mail.ru)

TARTYGASHEVA Galina Vladimirovna, Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Sq, Moscow, GSP-3, Russia, 125993; tarty@yandex.ru)

SOFT POWER IN RUSSIAN FOREIGN POLICY IN MONGOLIA

Abstract. The paper is devoted to the study of the role of soft power in Russian foreign policy. An increase in the number of destabilizing factors, the COVID-19 coronavirus pandemic, and the aggravation of global confrontation between groups of states and individual countries can lead to extreme instability in the global political system. In this regard, the need for studying non-traditional aspects of international relations is growing, among which the study of soft power is one of the most promising ones.

Keywords: Russia, soft power, foreign policy